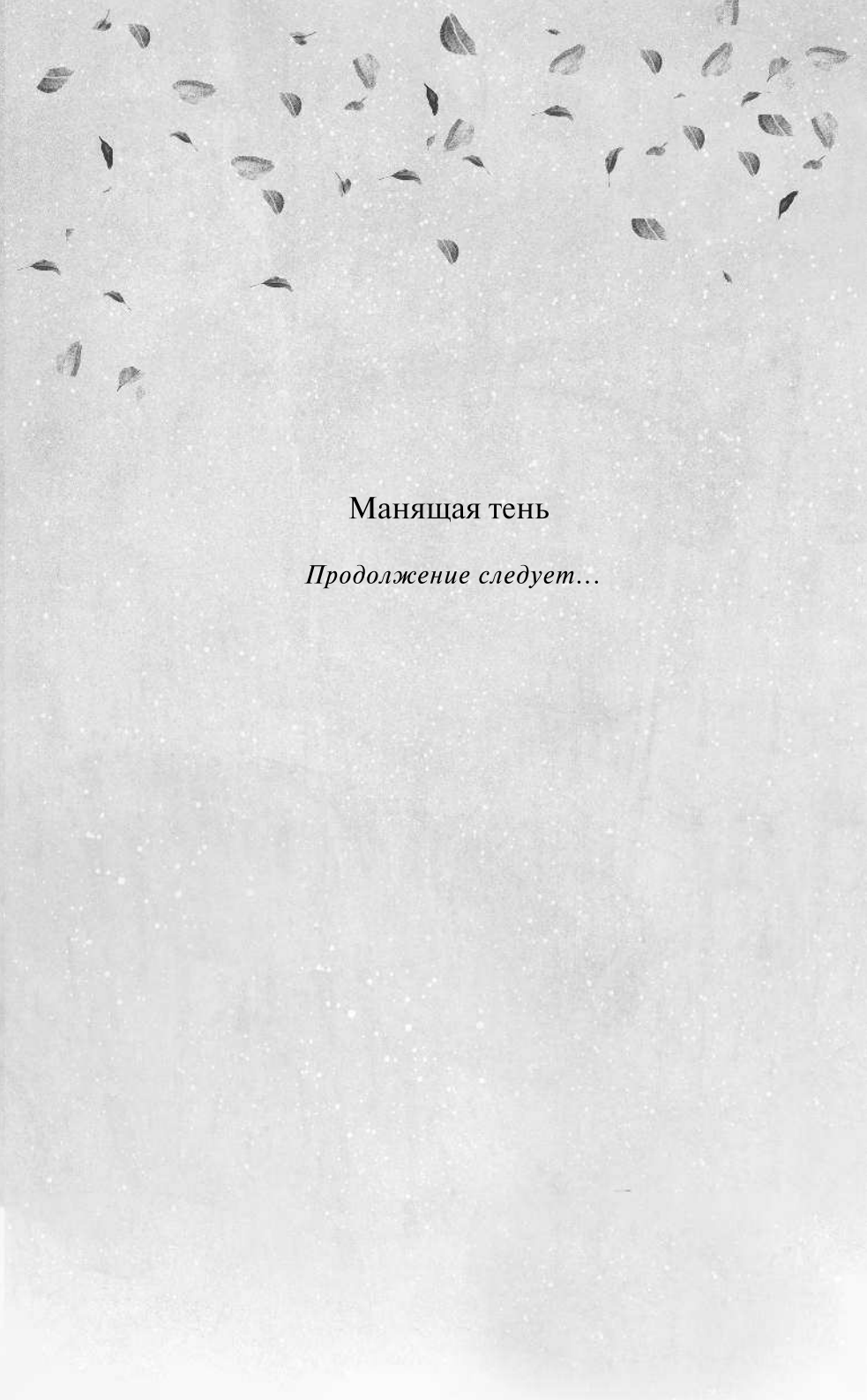

МАНЯЩАЯ
ТЕНЬ

Манящая тень

Продолжение следует...

МАНЯЩАЯ ТЕНЬ

КЭТРИН
БЛЭР

Freedom
Москва
2019

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б70

THE BECKONING SHADOW

Copyright © 2019 by Katharyn Blair

Published by arrangement with HarperCollins Children's
Books, a division of HarperCollins Publishers

Блэр, Кэтрин.

Б70 Манящая тень / Кэтрин Блэр ; [перевод с английского А. Харченко]. — Москва : Эксмо, 2019. — 448 с. — (Young Adult. Аномалы).

ISBN 978-5-04-105231-7

Меня зовут Веспер, и я чудовище. Я могу материализовать ваши самые худшие страхи, превратить кошмары в реальность. Я — аномал, сражающийся на арене с себе подобными, чтобы изменить судьбу раз и навсегда.

Я боюсь своей силы и бегу от нее, потому что знаю — она способна по-настоящему ранить. У меня появилась возможность переписать прошлое, но для этого я должна победить на Турнире реверсии. Мне предстоит не только использовать магию, но и по-настоящему драться. А научить меня сражаться может только один-единственный человек — Сэм Харди, бывший боец ММА и парень, так же, как и я, отчаянно нуждающийся в надежде...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Харченко А., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-105231-7

Моему мужу
Спасибо, что сторожил мои заветные мечты

A decorative background featuring a light, textured surface with numerous small, dark, falling leaves scattered across it. In the center, a large, bold, black number '1' is prominently displayed.

1

Если задуматься, оно всегда было со мной. Чувство чего-то неправильного, чего-то сокрытого за моими ребрами. Оно задевало мои легкие, когда я делала глубокий вдох, чтобы посмеяться со старшей сестрой Кармен, или когда кричала на игре: «Агрессивней! Агрессивней давай!»

Оно сворачивалось вокруг сердца, бившегося быстрее при виде объекта моих вздыханий на ту неделю. Словно лоза, созданная из искушения, тиски из ужасных обещаний.

Каким-то образом я знала, что со мной что-то не так.

Неплохое начало для истории, не правда ли? Оно показывает меня именно такой, какой я хочу выглядеть, — человеком, с которым это произошло. Человеком, который страдает. Человеком, который боится.

Но это не вся правда.

Внутри меня живет страх, но все не так, как вы думаете.

Раньше моя жизнь наполнилась обычным страхом. Когда сумерки испарялись в воздухе и сменялись ночью, мама всегда брала меня за руку на парковке.

Было что-то такое в вечере, в гуле уличных фонарей, что пробуждало страх в моей матери. Страх, которому учишься, — страх, к которому приучают.

Но я покинула тот страх и все остальное, что у меня было, в ночь, когда разрушила свою семью и сбежала. Я спряталась в грязной уборной на автовокзале и отрезала себе волосы карманным ножиком, который подарил мне отец, когда летнее время сменилось на зимнее и тренировки группы поддержки начали заканчиваться уже затемно. Дрожа мелкой дрожью, вся покрытая пеплом, я пыталась избавиться от своей личности, поскольку знала, что никогда не смогу вернуться назад. Все, чего меня учили бояться родители, стало бесполезно. Так что хватит.

Несмотря на все предостережения, уроки, бесконечное оглядывание через плечо — то, чего они должны были бояться больше всего, все это время находилось рядом.

Я.

Это меня им следовало бояться больше всего.

2

Я пробыла в бегах почти два года. Спала под эстакадами и в заброшенных церквях. Наловчилась справлять нужду в пустых переулках и незаметно красть спелые авокадо.

Но вряд ли я когда-нибудь привыкну к долгим поездкам в автобусах. Я сижу на этом сиденье уже двенадцать часов, да еще и перед семилетним ребенком. И ведет он себя именно как семилетний ребенок, который сидит в автобусе уже двенадцать часов. В Лос-Альтосе мне доводилось нянчить многих детей — они, как правило, меня любят, да и я веду себя как приличный член общества.

Но если он еще хоть раз пнет спинку моего сиденья, я спущу на него всю ярость преисподней, разорву его рассудок в клочья и заставлю переосмыслить все решения, которые он принял в своей крошечной жизни. Можно, конечно, просто пересесть, но меня укачивает, если я не рядом с окном.

Я делаю глубокий вдох, прислоняюсь к окну и закрываю глаза. Моя дорога ведет на юг. Если продолжу сидеть спокойно, то вернусь в Лос-Альтос. Домой.

При этой мысли я прикусываю кончик языка и кривлюсь от боли, пиная резиновой подошвой кед

пластиковое дно сиденья. Знаю, это глупо, но как-то в приемной у дантиста я прочла статью об оперантном обусловливании. Если сильно закусывать язык каждый раз, когда я начинаю скучать по дому, в который мне категорически нельзя возвращаться, то тоска по нему начнет ассоциироваться с болью. К примеру, женщина, описываемая в статье, перестала хотеть курить, потому что шлепала себя резинкой по запястью, так что принцип, по сути, тот же.

Нет, пока это не сработало. Только рубцы на языке появились.

Мы делаем остановку, чтобы подобрать очередную группу людей, и едем к конечному пункту назначения.

Чтобы отвлечься, я смотрю в окно. По крайней мере, за ним неплохой пейзаж. И мы почти на месте. Осталось лишь перетерпеть дорогу через Сан-Франциско, и мы попадем в Пейнс-Крик — небольшую фермерскую общину. У них есть вакансия на заводе по расфасовке миндаля... идеальное место, чтобы спрятать волосы под бейсболкой и смешаться с толпой. Я не настолько глупая, чтобы думать, будто недавние слухи о странных происшествиях с аномалиями — новости, передающиеся посредством быстро удаляемых постов в соцсетях, — не дошли до маленьких сельских городков. Но надеюсь, что они будут слишком заняты, чтобы задавать вопросы.

По холмам скользит туман, словно любопытные щупальца океана решили попробовать на вкус город. Я достаю жвачку из кармана толстовки и закидываю ее себе в рот. Если закрыть глаза, можно почти представить, что я вновь сижу в задней части автобуса с Линдси и Дженной и готовлюсь к соревнованию или чему-то подобному. Ханна разминала бы мышцы на пе-

реднем сиденье. Тренер Амира шутила бы с Фениксом, нашим водителем. Но той жизни больше нет. Хотя чем я дальше от нее, тем она легче просачивается в ту часть меня, которую я заперла за стальной дверью.

Кто-то плюхается на соседнее сиденье, и я подскакиваю. Хм, а этот парень неплохо выглядит. Но он улыбается таким образом, который всегда предшествует диалогу, а я не в настроении болтать. Вновь поворачиваюсь к окну, надеясь, что он поймет намек.

На него не оглядываюсь. Не стоило мне жевать последнюю жвачку. Запашок после двенадцатичасовой диеты на кофе с чипсами с заправки наверняка бы пресек любые разговоры.

Беру журнал из карманчика переднего сиденья. Какое-то периодическое издание на тему бизнеса... не совсем то, что я решила бы почитать по своей воле. Но это неплохое развлечение, и внезапно эти глянцево-странички кажутся моим самым ценным имуществом. На обложке изображен парень, стоящий перед гигантским зданием, которое закрыто строительными лесами. Он старше меня и прекрасен, словно только что сошел со щита с дурацкой рекламой духов. Одной из тех, на которых мужчина с проседью отдыхает на яхте, а его пытается соблазнить русалка. И вы спросите: «В чем смысл этой рекламы?» И тут они покажут вам флакон, хотя абсолютно не ясно, какое он имеет отношение к совокуплению с русалкой на лодке, но вам все равно захочется узнать, как же эти духи пахнут. Мой взгляд проносится по обложке. Заголовок гласит: «Ананиас Вентра: магнат по торговле недвижимостью нарушает и создает собственные правила».

Я сосредоточиваюсь на словах, надеясь, что, если не буду поднимать взгляд, он не...

— Куда направляешься? — спрашивает меня парень с соседнего места.

— Дальше на юг.

Три слова. Для меня они учтивая формулировка другого направления из трех слов, куда мне хочется его послать, но парень реагирует как голодный голубь, которому только что подкинули ломоть хлеба. И, разумеется, сейчас он потребует добавки.

— У тебя там семья? — спрашивает он, придвигаясь ближе, чтобы двое людей, идущих по узкому проходу, смогли протиснуться дальше.

Один из них останавливается у ряда позади нас. Женщина в толстовке с надписью «Сопrotивляйся» направляется к задней части автобуса. Я пробегаюсь по ним взглядом, словно этого хватит, чтобы их рассекретить. Это уже вошло в привычку. Я однажды читала, что у одного типа аномалов неестественные зрачки, если смотреть на них в определенном освещении. Прошло два года, но я ни разу не видела подобного. Может, это просто городская легенда.

Хотя, откровенно говоря, два года назад я многое принимала за городские легенды.

Я вновь поворачиваюсь к окну, надеясь, что мой собеседник поймет, что я не заинтересована в болтовне. Пристально смотрю на табличку рядом с дорогой, на которой написано, что до Сан-Франциско осталось восемнадцать миль. Вокруг нее клубился туман, и я замечаю знакомое граффити в нижнем левом углу.

Независимо от того, сколько раз я его видела, меня все равно будто сковывает лед. Это лиловый цветок, обьятый пламенем, — королева ядов.

Людей, которые отличаются от меня, это граффити ничем не привлечет. В нем нет ничего любопытного.

Но на самом деле это визитная карточка, которая в последнее время появляется все чаще и чаще. На уличных знаках. Бамперах. Автобусных остановках. Общественных туалетах. Ординары — обычные люди — не поймут, что это.

Они никогда не жили в страхе обнаружить бутон королевы ядов, прибитый к их входной двери. Этот страх известен только аномалам. Он одна из многих причин, по которой мне пришлось сбежать из дома. Граффити — это послание: грядут перемены. Но я не готова поставить свою жизнь на веру в это. До меня доходили слухи, что многие аномалы укрылись в Сан-Франциско — и именно поэтому я не буду там останавливаться.

Я прячу журнал обратно в кармашек и откидываюсь на спинку сиденья.

Мне мало что известно о пугающей подноготной мира аномалов. Но я знаю, что исчезновение зрителей не случайно. От этого слова, мелькающего в моем сознании, в груди сжимается: зрители. Даже от одного звука этого слова, раскатывающегося эхом в голове, по моему горлу начинает подниматься желчь.

Автобус рывком двигается вперед, и табличка с граффити исчезает из виду. Тут я понимаю, что мой сосед по-прежнему что-то бормочет; господи, до сих пор! Но есть один положительный момент. Маленький непоседа с заднего ряда поменялся с кем-то местами, и теперь объектом его домогательств стал мой сосед.

— ...Так что я решил поехать в Сан-Франциско и подсобить ему, раз уж он оказал мне такую помощь с

химией. Кто-то бы сказал, что это не моя забота, но я считаю это правильным поступком. Меня, кстати, Колби зовут.

Парень замолкает и смотрит на меня с улыбкой. И-и-и мяч передают мне. Голодный голубь ждет, когда я подкину еще хлебных крошек. Я опускаю ниже капюшон толстовки — их получила вся группа поддержки на чемпионате штата, прежде чем я сбежала, — и молюсь, чтобы он не прочел имя на кармане, которое я зарисовала черным перманентным маркером. На нем самым жизнерадостным шрифтом, который только можно представить, написано «Веспер». Из пучка, собранного без помощи расчески, выбиваются грязные пряди моих светлых волос, на невытом лбу наклеиваются как минимум три новых прыщика.

Может, у того факта, что я испортила себе жизнь и пустилась в бега, есть и положительная сторона. Поскольку два года назад вежливая я, которая вплетала ленточки в волосы в день игры и больше всего заботилась о том, чтобы не сгибать колени во время махового переворота назад, сочла бы необходимым поддержать беседу с Колби.

Добрая. Вежливая. Но этой девушки больше нет. Да здравствует грязноволосая, равнодушная Веспер.

— Слушай, я понимаю, что ты весь вне себя от возбуждения, но у меня нет настроения для болтовни.

Я ожидаю, что это немного его смутит. Возможно, даже вызовет раздражение. Но он просто улыбается. Улыбается. Будто я сказала что-то милое.

В ту же секунду я чувствую пульсацию вокруг пальцев, как если бы мои кости обмотали вспыхивающие электрические провода. Словно мои руки дремлют, но

это не так. Это чувство мне знакомо. Оно опасное, голодное — чувство, которое я сдерживаю на поводке из пряжи. Я сжимаю кулаки и смотрю в окно.

— Тебе необязательно говорить. Я все понимаю. Но я рядом, если вдруг захочешь. Я специализировался на женской психологии в колледже, так что понимаю...

В этот момент ребенок с заднего сиденья пинает спинку его кресла, и Колби летит вперед, ударяясь лбом о место впереди. Улыбка начисто стирается с его лица. Я оглядываюсь через плечо на мальчишку, который еще час назад был бичом моего существования. Сейчас же для меня он лучший человек во всем мире. Мое кресло он тоже пинал, но никогда с такой силой. Мальчик улыбается мне, будто все понимает.

Ничего не могу с собой поделать. Я тоже улыбаюсь. Даже невзирая на то, что моя ладонь по-прежнему пульсирует, словно под кожей жужжит запертая пчела. Даже невзирая на то, что это служит мне напоминанием: если между аномалами и ординарами — людьми с магией и без — когда-нибудь начнется война...

Я на вражеской стороне.